

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

СВЯТЫНЯ ЗА ТРЕМЯ ВОЛОКАМИ

Накануне кончины Василия Ивановича Белова я набрал номер его телефона в Вологде. Трубку подняла жена писателя Ольга Сергеевна. Мы с ней переговаривались довольно часто, поскольку сам он в последние годы на звонки не отвечал, да и передвигался по квартире на инвалидной коляске.

— Как чувствует себя? — поинтересовался я у Ольги Сергеевны. — Слышал, что обжёг плечо о батарею...

— Это не столь опасно, — ответила она. — Больше волнует другое: четвёртый день ничего не ест...

— Разговаривает?

— Почти нет.

— Передайте привет от меня.

— Обязательно скажу, что звонили...

На следующее утро в новостях сообщили о смерти писателя. Выходит, в последний момент я попрощался с ним? Он родился в деревне Тимонихе 24 октября 1932 года. Ушёл в возрасте восьмидесяти лет.

Вспомнилась наша первая встреча тридцать лет назад. Я тогда пришёл на работу в газету "Правда". Определили спецкором в сельскохозяйственный отдел. Вёл рубрику "Из дневника писателя". Как-то позвонил Белову. К тому времени уже были изданы его повести "Деревня Бердяйка", "Привычное дело", роман "Кануны", "Плотницкие рассказы", книга очерков о народной эстетике "Лад", многие другие вещи. На моё предложение написать что-нибудь для газеты Василий Иванович ответил отказом:

— Никаких дел с "Правдой" иметь не хочу!

— Почему? — удивился я.

— Год назад послал статью о недопустимости переброски вод сибирских рек в азиатскую часть страны, но её не напечатали. В отделе науки, видимо, боялись гнева ЦК. Тогда обратился к главному редактору. И опять молчок! Чего ж буду унижаться?

— Всякое бывает, Василий Иванович, — вырвалось у меня. — В редакции разные люди. Материалы на острые темы вызывают бурные дискуссии на заседаниях редколлегии. Скажу откровенно: возможно, кое-кто из руководства действительно не желал бы видеть ваше имя на страницах газеты, но у "Правды" десять миллионов подписчиков. Большинство из них, уверяю вас, хотя бы знают, что думает писатель Белов о положении дел в деревне. Вакуум быстро заполняется. Вы откажетесь от сотрудничества с газетой — тут же найдутся тысячи желающих опубликовать какую-нибудь чепуху. Подумайте хорошенько о моём предложении.

— Ладно, — глухо произнёс Василий Иванович. — Буду в Москве — загляну...

Через месяц я получил от него письмо со статьёй "Требуется доярка". Речь в ней шла о том, что, понастроив в глубинке сотни животноводческих комплексов, хозяйства столкнулись с проблемой нехватки рабочих рук. Народ

разбежался из деревень от безнадёги: ни хороших дорог, ни доброго жилья, ни больниц, ни школ, ни детских садов...

Материал требовал серьёзной доработки. Возможно, Белов писал его второпях. Я ничего не выбрасывал, не “смягчал”, а просто довёл статью, что называется, до ума. Выправленный вариант следовало согласовать с автором. Белов как раз собирался ехать во Франкфурт-на-Майне. По приезду в столицу позвонил мне и предложил встретиться у него в гостинице “Москва”. В назначенное время стучу в дверь номера. На пороге появился человек небольшого росточка, с колким взглядом глубоко посаженных глаз. Поначалу я смутился: как примет правку? Протягиваю гранку вместе с оригиналом.

— Кто это так почеркал? — нахмурил брови Василий Иванович, перелистнув несколько страничек.

— Я, — отвечаю робко, внутренне готовясь к долгому спору.

— Да? — удивлённо воскликнул он. — Надо посмотреть. Сейчас читать не буду, возьму с собой в дорогу...

Условились, что по возвращении из поездки он позвонит в редакцию. Неожиданно перевёл разговор на другое; стал расспрашивать, откуда я родом, где успел побывать. Его интересовала информация с мест. Внимательно слушал, уточняя какие-то детали, делая пометки в своём блокноте. Расстались мы тепло.

Миновала неделя. Звонка не было. Справился в Союзе писателей: вернулся ли Белов из Германии? Мне сказали, что пока его не видели, но он обязательно должен зайти, сдать заграничный паспорт. В ожидании прошло ещё несколько дней. Не выдержал и сам позвонил в Вологду. В трубке прозвучал знакомый голос.

— Как же так получилось, Василий Иванович? — спрашиваю Белова. — Обещали зайти в редакцию и не показались.

— Извините, Александр Николаевич, так сложились обстоятельства. Пришлось сразу из аэропорта уехать домой. Эти горе-деятели из иностранной комиссии не удосужились даже забронировать номер в гостинице. Не на вокзале же ночевать?

— Ну, а по правке статьи есть какие-то замечания?

— Можете печатать...

Вскоре от него пришло другое письмо. Оно было коротким:

“Александр Николаевич! Если будете публиковать, то пришлю вторую часть. А не будете, не пришлю. Скажите шефам, чтобы они не водили меня за нос. До 10 декабря буду в деревне, адрес которой у вас есть. Желаю всего доброго!

Белов. 21.X.83”

Гранка долго пылилась в секретариате. Наконец, в начале декабря материал заявили в номер. Предстояло обсуждение на редакционной коллегии. В день выхода газеты я пришёл в зал заседаний, чтобы послушать мнение начальства. Главный редактор Виктор Афанасьев поинтересовался у присутствующих:

— Что скажете о статье Белова?

Первым откликнулся один из его заместителей:

— Уж больно мрачная картина, Виктор Григорьевич... Получается, никакого толка от принимаемых партией и правительством мер по подъёму сельского хозяйства нет. Но ведь это не так...

По залу прокатился лёгкий шумок, заскрипели стулья. Следом выступил выпускающий редактор:

— Ну, не может такого быть! Мне тоже показалась странной позиция автора: во всём упадок, тоска. Надо поправить, что так было в прошлом.

Раздался дружный хохот. Кто-то сострил:

— Не может такого быть, потому что не может быть никогда!

— Зря смеётесь! — обиделся оратор. — В статье много ещё чего спорного. Скажем, я бы убрал абзац о русофобии. Где он её видел?

С места кто-то буркнул:

— Разговоры-то на эту тему в народе идут...

Афанасьев подвёл итог дискуссии:

— Материал, конечно, жёсткий, но поставлены серьёзные вопросы, требующие срочного решения. Деревня — это наша боль. Замечания следует учесть при окончательной доработке...

Для меня было важно, что статью не сняли. Исправлять ничего не стал, взяв на себя ответственность за нежелательные последствия. 13 декабря 1983 года материал опубликовали.

В тот же день, прочитав статью, Белов написал мне:
“Александр Николаевич!

Удара по Байбакову, чего больше всего мне хотелось, не получилось. Выброшен возглас о гигантомании и т. д. Что ж, я всё понимаю... Хорошо и то, что удалось сказать о невестах, о навозе, о сене. Как только сделаю продолжение, сразу пошлю. Но не лучше ли в другое место? Журнал “Коммунист” мне тоже заказывал статью. Подряд столько трудно проглотить... Желаю всех благ в Новом году!”

Со всей России в “Правду” посыпались отклики читателей на публикацию. Люди называли конкретные адреса запустения земель и бесхозяйственности. Скажем, Михаил Якушев из Липецкой области сетовал: “С болью думаю о судьбе своей деревни Александровка. Когда-то она насчитывала полтора двора. Сейчас — около двух десятков. Исчезли соседние Варваровка, Васильевка, Липовка... Вряд ли надо искусственно сохранять мелкие деревушки, но и намеренно ускорять их снос тоже нельзя. Да и выгодно ли экономически? Очень в этом сомневаюсь...”

Но особенное впечатление произвело письмо от осуждённого Андрея Ивановича Дубровкина, который отбывал пятилетний срок в одном из исправительных лагерей Ульяновской области. Ему было сорок четыре года. Он зачем-то перечислил и статьи, по которым сидел, указал адрес колонии. Вот то письмо:
“Уважаемый главный редактор!

Прошу вас переправить моё письмо писателю Василию Белову, напечатанному в “Правде” статью “Требуется доярка”. Я знаю, что он живёт в Харовском районе Вологодской области. Моё письмо на двенадцати страницах”.

В конверт было вложено шесть листов в клеточку, вырванных из школьной тетради. Довольно разборчивый почерк:

“Здравствуйте, уважаемый Василий Белов! Прочитал в газете “Правда” вашу статью о доярках и решил вам написать. Вопросы, поднятые вами, волнуют не только работников сельского хозяйства, не только представителей сельской интеллигенции (в высшем значении этого определения являетесь именно вы), но и каждого человека, родившегося в нашей стране и пережившего вместе с ней тяжёлые беды и лишения.

Кроме того, есть причина и личного порядка, которая подтолкнула меня написать вам. В 1978 году я работал продавцом в букинистическом книжном магазине на проспекте Маркса, что у памятника первопечатнику Ивану Фёдорову. И вот однажды, во время разбора литературы, я обратил внимание на скромного, тихого мужчину небольшого роста, с короткой бородой, внимательными спокойными глазами. Этот покупатель не кидался очертя голову от одного стеллажа к другому, а был сдержан и вежлив. Тогда за каждой книжной новинкой гонялись по всей Москве. Это были вы, Василий Иванович. Я любил таких покупателей. Они знали, чего хотят. Круг их интересов замыкался на самой благородной теме — истории Российского государства. Вы попросили показать книги о народном творчестве и истории Сибири, интересовались трудами отцов церкви, записками иностранцев, путешествовавших по святым местам. Сказали, что сами из Вологды и, когда приезжаете в Москву, навещаетесь в наш магазин. Назвали свою фамилию. К своему стыду, я, букинист с большим стажем, не смог вспомнить ни одной вашей книги. Вы улыбнулись и сказали: “Это не имеет никакого значения...” Уже потом я прочитал роман “Кануны”, “Привычное дело”, некоторые рассказы. Хотел увидеть вас и поблагодарить за добрые чувства, которые вы пробудили во мне, за любовь, которую почувствовал к простому русскому человеку, за сопереживание к его слабостям... Увы, волею судьбы оказался за колючей проволокой. Здесь достать что-либо из ваших вещей трудно. А хотелось бы! Может, пришлёте что-нибудь? Буду весьма благодарен. Впрочем, не останусь в обиде, если не сможете выполнить мою просьбу. Всё равно, так или иначе, но достану ваши книги. Теперь сожалею: столько потеряно зря времени! Не прочитал всего написанного Фёдором Абрамовым, Валентином Распутиным, Виктором Астафьевым, другими замечательными русскими писателями.

Вы, оказывается, земляк поэта Николая Рубцова, трагически ушедшего не так давно. Я познакомился в лагере с его стихами, и такая щемящая тос-

ка овладела душой, что хоть волком вой... Какое-то ощущение вины перед русской природой, которую поэт так проникновенно живописал. Вы были знакомы с Рубцовым. Напишите о нём. Это просто необходимо сделать. Как часто мы проходим мимо родников добра и любви! А ведь только они способны очистить наши души от скверны и ненавистного мещанства.

Несколько слов касательно проблем, которые вы затронули. Я не деревенский житель, хотя родители вышли из села. В молодости как-то съездил на их родину в Орловскую область. И что увидел? Убогие хаты с земляными полами, жалкие сараюшки, непролазную грязь. Полная безысходность. Позже узнал, что материальное благополучие селян несколько улучшилось. В сёлах стали строить добротное жильё, во дворах появились машины, положили асфальт. Но, увы, молодёжь уже поразъехалась. Вы пишете, что недостаточно популяризуется крестьянский труд. Да, это так. Крестьянам надоела опека райкомов партии. Но мне кажется, главная причина всех бед – сама политика государства в отношении русской деревни. В стране, которая на протяжении веков была аграрной державой, сельский человек потерял ощущение хозяина земли. Разве нельзя было наряду с колхозно-совхозной системой хозяйствования допустить частное, хуторское? Ведь ещё Ленин учил в иных ситуациях делать с шагом вперёд – два шага назад. Возникла бы здоровая конкуренция. Посмотрите на высокомеханизированные фермы в Америке, на мясомолочное животноводство в скандинавских странах, на образцовое овцеводство в Австралии. Они не покупают мясо и молоко за границей, не тратят валюту на импорт продовольствия. Наоборот – сами продают сельхозпродукцию с большой выгодой. Да что там далеко ходить! Возьмите Германию, Венгрию, Чехословакию, другие страны социалистического лагеря: везде стараются обходиться без мёртвых шаблонов, сообразуясь с местными условиями, учитывая вековые традиции и частную инициативу. И только в одной из богатейших стран земного шара политические догмы по-прежнему определяют ход экономического развития. Считаю, что писателям и общественным деятелям, вышедшим из народа и пользующимся широкой известностью, нужно почаще вмешиваться в жизнь, когда речь заходит о той или иной важной проблеме...

Не знаю, послал ли Василий Иванович книгу тому горемыке. Скорей всего, отреагировал на просьбу. Через месяц я получил от Белова следующее письмо:

“Александр Николаевич! Шлю привет и новую статью. Только я не сумел её перепечатать, сделай это, пожалуйста, за меня. Думаю, что с публикацией у вас ничего не получится. Так или иначе – попробуй. Один экземпляр я должен иметь, ты его пошли в Вологду. Еду в деревню на три недели. Срочно всё бросаю и еду. Пока!”

Статья называлась “Полоса препятствий для доярки”. В ней Белов размышлял о том, почему не складывалась жизнь в деревнях. По его мнению, нарушен традиционный крестьянский уклад. Деревенские парни не могут найти себе невест. Горестная судьба сотен тысяч холостяков, живущих в Нечерноземье, объясняется не только плохим планированием, но и изъянами в идеологической сфере. В кинофильмах, на радио, телевидении, в газетах воспевали исключительно балерин, артистов, фигуристов, циркачей, а о тружениках полей и ферм – ни слова. “Полистайте любую подшивку, – писал Василий Иванович. – Что ни страница – снимок актрисы либо манекенщицы. А в кинофильмах? Закормили детективами, где эдакий супермен из угрозыска лихо расправляется с шайкой бандитов. Но это чисто внешние признаки глубинной, более основательной индустрии развлечений. Теперь сельский подросток, в той же мере, что и горожанин, живёт в атмосфере весьма далёкой от той, которая формирует стойкое положительное отношение к земле, к крестьянству вообще. Престижность городского образа жизни значительно превышает всё остальное. Труд и жизнь на земле, несмотря на все наши публицистические восторги, мы превратили в нечто второстепенное, в нечто, унижающее достоинство личности...”

Белова возмущало то, что молодых доярок возили за много километров на дискотеки слушать супершлягеры на английском языке, танцевать под “кошачью” музыку. В дело включились все районные Дома культуры. Никто не хотел выглядеть отстающим! Обвинение в непонимании “современных” ритмов ожидало каждого, кто не принимал все эти ВИА и рок-группы. А ведь совсем недавно в тех же самых клубах проходили районные слёты доярок, где их награждали за работу почётными грамотами, дарили цветы, вручали ценные

подарки. Народные хоры исполняли в их честь величальные. Всё похерено! Везде гремит рок. Откуда мне было знать, что у Василия Ивановича и дома в связи с этим шли неприятные разборки...

Как и предыдущую статью, новый материал опять “протрясли” через мелкое сито. Отослал в Вологду гранку. Ответ обескуражил:

“Александр Николаевич, Саша!

Статью мне надо было отдать в “Молодой коммунист” – ведь они, а не вы, заказывали её. Может быть, и напечатали бы целиком. А вы – орган ЦК – боитесь задеть даже министра. Ну, что это такое! Почему выброшено главное, ради чего я и писал статью? Ты её переписал заново. Спасибо! Но тогда надо ставить под ней две подписи...

Посылаю гранку. Ежели такой вариант редакцию не устроит, то лучше снимите совсем, но ничего больше не вписывайте и не убирайте. Иначе будет скандал. Пойду жаловаться Михаилу Васильевичу. Поклон шефу твоему. Пока. Белов.

19. VI. 84.

P. S.: Сегодня день рождения Василия Быкова”.

Материал всё же напечатали. На него также пришло много откликов. Я сделал обзор писем. Отреагировал на публикацию и Харовский райком партии. Первый секретарь райкома Бондарёв сообщил, что статья обсуждена на заседании бюро. Критика признана правильной. Намечены меры по закреплению кадров на селе, улучшению условий труда, быта людей. Планируется ускорить строительство жилья, дорог, возрождение старых пашен... В общем, нечто вроде отписки.

Осенью получил от Василия Ивановича кратенькое послание:

“Александр Николаевич!

Сообщи, направляет ли теперь редакция материалы для принятия мер. Я был у Лапина (во время пленума). Ощущение такое, что он статью мою не читал.

Белов, 8 октября, 1984 г<ода>.”

Из конверта выпала газетная вырезка: “Совхозу имени 60-летия Союза ССР срочно требуется свинарка. Жилплощадь предоставляется. Обращаться по адресу: пос. Васильевское, отдел кадров совхоза”.

Со временем наши отношения переросли в дружеские. Он неплохо отзывался о моих очерках в журнале “Наш современник”: “Не все яблоки сладкие” (о проблемах садоводства на Кубани) и “В той неброской сторонке” (о бездумной мелиорации в Нечерноземье)... Звал в гости в Тимонику, размышлял о новых публикациях в “Правде”. Однажды прислал пухлый конверт. В нём была заметка пчеловода-любителя с Гатчины, некоего Писарева, который поделился с писателем мыслями о проблемах отрасли. Белов сделал приписку:

“Александр Николаевич!

Не сможешь ли напечатать эту заметку? Сообщи автору, если не сможешь. Я думаю сразу над двумя статьями (о навозе и о ведомственности). Вторую хотелось бы сделать в соавторстве с председателем колхоза “Большевик” Харовского района Вологодской области. А если бы ты сам съездил к нему, было бы ещё лучше. От него до моей бани – всего 20 км. Дорога есть. Подумай!

16. IV. 85”.

Близился девяностолетний юбилей почётного академика ВАСХНИЛ, знатного полевода из Зауралья Терентия Семёновича Мальцева. Я писал в “Правде” о нём неоднократно, в том числе и о его личной трагедии, когда в родном колхозе ему, по сути, запретили заниматься научными опытами. Белов относился к Терентию Семёновичу с величайшим почтением и потому охотно откликнулся на мою просьбу черкнуть несколько слов о Мальцеве. Вот что он написал:

“Для меня Терентий Семёнович Мальцев олицетворяет основные черты русского крестьянства: трудолюбие, пытливый ум, доброту и пронзительно высокий уровень нравственности. Вспоминаю, с какой сердечной болью он говорил о состоянии нынешней земли (не в смысле планеты, а в смысле колхозной пашни). Сорняки, в изобилии появившиеся на его родных полях, словно бы прорастают сквозь самую его плоть, ядовитая химия, кое-где насквозь пропитавшая почву, травит ему душу. А как просто и мудро сказал он по поводу повсеместно начавшейся борьбы с алкогольной наркоманией: “Пока пьют сами руководители – с места не сдвинуться...” Одно из своих публичных выступлений академик начал с отцовских наказов, которые услышал

в раннем детстве, то есть ещё в прошлом столетии. Вот четыре пункта этих традиционных народных правил: 1. Не пей. 2. Не кури. 3. Не играй в карты. 4. Не бери в руки охотничье ружьё.

Эти наказания существовали по всей России от Амура до Ладogi, поэтому три первых правила мужского крестьянского поведения слышал от стариков даже я, рождённый уже при колхозах. А вот четвёртый наказ оказался для меня внове. Я спросил Терентия Семёновича, почему его отец считал охоту делом безнравственным. Спросил и тут же устыдился, поскольку можно было бы и не спрашивать. Всё ясно и так. Но Терентий Семёнович терпеливо, с бесконечной своей благожелательностью, произнёс: “Дак ведь живое жалеть надо, всему живому хочется жить...”

В Тимонихе Беловым написаны самые лучшие его вещи. Уезжал он туда, чтобы напиться земными соками, побыть среди чудной северной природы. В его доме был телефон. Связь, конечно, плохонькая, но я дозванивался, чему удивлялся Владимир Алексеевич Солоухин. Спрашивал: “Как тебе это удаётся?” — “Очень просто, — отвечал я ему, — называю телефонистке номер, и через пять минут соединяют...” — “Так, поди, в “Правде” особый коммутатор. С домашнего телефона у меня не получается...” Иногда Солоухин просил меня передать что-то Василию Ивановичу. Бывало, трубку брала его мать, Анфиса Ивановна. Мудрая женщина. Она была в курсе всех дел сына. Подробно разъясняла, куда уехал, с кем, с какой целью. Любила поговорить о житье-бытье. Пока здоровье позволяло, ни за что не соглашалась переезжать в город. Родные стены согревали душу. До сих пор помню её певучий голос...

После публикаций в “Правде” о сельских проблемах Белов попытался выступить и по ряду других тем. В частности, написать о культуре. Как-то обратился с просьбой:

“Саша, шлю привет! Не сможешь ли выяснить, кто подписывает служебные письма в отделе литературы и искусства? Они уже не указывают своих фамилий, ставят закорючки, и всё (пример: 252794/17 от 7 января). С каких пор “Правда” начала поощрять в своих рядах анонимщиков?”

Если такое выяснение связано для тебя с трудностями — ничего не надо делать, выясню через иные каналы.

Белов. 15 января 1986 г<ода>.”

Надо сказать, коллеги по редакции болезненно реагировали на критику, но, тем не менее, я всё-таки ходил в отдел культуры и переговорил с редактором Георгием Капраловым: мол, негоже так обходиться с большим писателем.

Белов для них был “чужим” — вот и вся разгадка. Печатали исключительно любимчиков из числа окололитературной братии. После выхода одной из таких публикаций Василий Иванович написал мне:

“От Белова В. — А. Арцибашеву (взамен статьи о навозе) после чтения статьи “Странная литература”.

Странный случай! Из ряда вон. Тронули кучу, и пошла “Кучкина” вонь... Саша, статью напишу попозже. С праздником!

Белов. 3. XI. 86”.

Он долго тянул с обещанным материалом. Тем временем в Вологде приступил к работе наш собственный корреспондент Геннадий Сазонов. Толковый, опытный журналист. К тому же поэт. Договорились сделать совместное интервью с Беловым. Послал ему вопросы.

Положение в деревне требовало перемен. Колхозы и совхозы набрали кредитов, но прибавки производства продукции не дали. Заговорили о необходимости хозяйственной самостоятельности.

В марте 1988 года Белов приехал в Москву на пленум Союза писателей, обсуждавший национальные отношения. Остановился в той же гостинице. Позвонил мне. Условились о встрече. В назначенное время я пришёл в гостиницу. У него был Владимир Крупин. Втроём мы отправились в ресторан. Заказали осетрину. Официантка с брезгливой усмешкой процедила сквозь зубы: “Осетрину всю съели... Могу предложить только куриные котлеты”. Что делать? Взять, что было. Настроение испортилось. Вернулись в номер.

— Не понимаю, что происходит, — завёлся Белов. — В былое время на Охотном ряду прилавки ломились от снеди: стерлядь, севрюжка, нельма, кета, горбуша, сёмга, муксун, белужка, щука, налим, тунец, хариус... Не го-

воря уж о мелочи. Выбирай на любой вкус! Гиляровский ведь не врал, когда описывал столичные рестораны. Упали — ниже некуда.

— Помимо рыбки, полно было дичи, — добавил Крупин. — Купцы умудрялись доставлять в первопрестольную рябчиков, куропаток, глухарей, диких гусей, уток.

— Ладно уж, не трави душу, — махнул рукой Василий Иванович. — Пустое это занятие. Надо думать, как выправлять положение.

В дверь постучали. Вошёл парень лет тридцати. Оказалось, художник из Архангельска. Узнал Белова в ресторане.

— Дома у меня целая серия картин, написанных по вашим произведениям, — похвалился он.

— Интересно было бы взглянуть, — оживился Василий Иванович.

— Ну, приезжайте!

— Легко сказать... Хотя адресок оставь. На Соловки-то сможешь организовать поездку?

Лицо парня расплылось в улыбке:

— Ну, конечно...

Белов задумался:

— Соловки — святое место. Мечтаю побывать. В России таких святых мест немало. Скажем, Телецкое озеро, что в Горном Алтае. По той земле будто нога самой Праматери человеческой ступала... А ещё тянет на Священный Байкал. Не отказался бы и от путешествий по Енисею, Лене, Амуру...

В тот вечер мы засиделись допоздна. Коснулись интервью для газеты. Похоже, Белов придавал этому большое значение, желая высказаться относительно идей Чаянова о кооперации, трагедии коллективизации, рассказывания на Дону, хищнической вырубке лесов, пагубности сселения “неперспективных” деревень, утраты народных традиций, пьянстве. Пожалуй, его душа переболела всеми болями русского мужика...

Материал “Возродить в крестьянстве крестьянское” увидел свет 15 апреля 1988 года. Не мешками ли носили в сельхозотдел письма читателей, отозвавшихся на эту публикацию? Наиболее любопытные я отправил в Вологду. Василий Иванович вскоре отозвался:

“Александр Николаевич!

Папка уникальна в том смысле, что читатели подробно отвечают друг другу. Автору тут нечего делать и нечего комментировать. Распутин предложил мне сделать книгу из читательских писем и издать её срочно. Где? Так вот: эта папка, что ты дал, — готовая книга! Совсем в духе времени. Без всякого отбора-подбора. Письма надо включить все! При встрече с Афанасьевым буду просить его об этом, а ты пока прозондируй почву. Приеду 9 июля. Папку привезу.

Белов, 19. VI. 88”.

Жаль, что эту книгу так и не удалось издать, но в “Правде” от 22 октября того же года были опубликованы ответы Белова на читательские вопросы. Потом его избрали депутатом Верховного Совета СССР. В памяти остались беловские гневные речи на сессиях по поводу плачевного положения дел в деревне. Пожалуй, никто из тогдашних писателей так много не выступал в прессе, как он. В том числе на центральном телевидении, куда я перешёл работать политическим обозревателем. В числе других известных деятелей культуры Белов подписал обращение к соотечественникам по референдуму за сохранение СССР. Увы, демократы во главе с Борисом Ельциным разрушили-таки великую “Красную” империю.

Вскоре после путча 19 августа 1991 года состоялся пленум Союза писателей России, на котором присутствовали Юрий Бондарев, Василий Белов, Валентин Распутин, Станислав Куняев, многие другие писатели. Неожиданно в здание на Комсомольском проспекте ворвалась группа молодчиков, посланных, как они сказали, чуть ли не префектом центрального округа Москвы Александром Музыкантским. Хотели выдворить нас из старинного особняка. Они вели себя вызывающе, нагло, выкрикивали оскорбительные слова, угрожали.

Василий Иванович как народный депутат потребовал от погромщиков немедленно убраться вон. Станислав Куняев на глазах у всех разорвал в клочья грозное предписание. Молодчики попятились, а потом побежали к выходу. В считанные минуты перед зданием выросли баррикады. Писатели, что называется, встали грудью на защиту своего дома.

Никто не верил, что демократы усидят так долго в Кремле. Страна бурлила: забастовка за забастовкой. Упадок не только в экономике, но и в социальной сфере. Приуныли в деревне: неужели и впрямь разгонят колхозы и совхозы? Россия стояла на пороге великих потрясений.

Осенью 1993 года президент Борис Ельцин приказал взять штурмом здание Верховного Совета, депутаты которого выступили против губительных “реформ”. Белов не усидел в Вологде — приехал в Москву. Мы встретились с ним на Пресне, у оцепленного милиционерами и солдатами Белого дома. Попытались пробиться через заграждения из колючей проволоки. Василий Иванович увещевал военных, взывая к их совести. Одни отмалчивались, другие зло огрызались. Сытый полковник обматерил нас. Пошли в ход резиновые дубинки. Но, в конце концов, толпа смяла оцепление.

Помню, накануне штурма мы с Беловым сидели в буфете Белого дома, обсуждая сложившуюся ситуацию. К нашему столику подошел кинорежиссёр Николай Бурляев. Противостояние подходило к своему апогею. Народ рвался в телецентр “Останкино”. От Пресни отходили машина за машиной, битком набитые людьми с красными флагами. Василий Иванович тоже решил поехать туда, чтобы выступить по телевидению с обращением к народу. Я отговаривал его от этого поспешного шага: дескать, телецентр охраняет спецназ, и пробиться в здание вряд ли удастся. Но он поступил по-своему. Что произошло дальше, хорошо известно: в ходе тех событий погибли сотни защитников парламента...

Потом мы ещё не раз встречались с Василием Ивановичем. Я слушал его выступления на съезде писателей в Орле, на вечере журнала “Наш современник” в Московском художественном театре имени Максима Горького. Он приезжал ко мне на передачи в телестудию “Подмосковье”. Как-то позвонил из Вологды и попросил сделать репортаж о выставке фотографий своего друга Анатолия Заблоцкого в Славянском центре.

Здоровье писателя подкосили переживания за Россию, русский народ, землю. В год семидесятилетия у него сгорела баня в Тимонихе. В разговоре по телефону он посоветовал по этому поводу: “Баню-то эту срубил ещё молодым отец. Через неё и познакомился с моей матерью. Вот что жалко. Конечно, поставлю новую, но это будет уже не то...”

О написанных им художественных произведениях мы не разговаривали. Возможно, он ждал от меня оценки трилогии “Кануны”, “Год великого перелома”, “Час шестой” — основных своих вещей, в которых обнажил жуткие факты времён коллективизации. Ведь до сих пор точных данных относительно жертв этой крестьянской трагедии не опубликовано. Никто не покаялся за содеянное. Не поставлено ни одного памятника крестьянам, сгинувшим в чудовищной мясорубке. Странно, не правда ли?

А ведь при желании можно было бы назвать поимённо палачей русского крестьянства, составившего суть России, её душу. В архивах сохранились документы того периода. В том числе и Бухарина, вбросившего саму идею “раскрестьянивания”... Неслучайно Белов поставил эпитафию к “Хронике тридцатых годов”:

“Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрёт с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом. Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор. Фридрих Энгельс”.

В первых строках романа “Год великого перелома” писатель очерчивает злодейский круг исполнителей величайшего преступления: “И когда б в стране имелся бы один-единственный не униженный монах-летописец, может, появилась бы в летописном свитке такая запись: “В лето одна тысяча девятьсот двадцать девятого года в Филиппов пост попущением Господним сын гродненского аптекаря Яков Аркадьевич Эпштейн (Яковлев) поставлен бысть в Московском Кремле комиссаром над всеми христианы и землепашцы”.

Таких летописцев не было. Сонмы иных писателей вопили о кулаках и о правой опасности. Кто был опасен и, главное, для кого? Троцкий покинул страну вместе с двумя вагонами награбленного, но перед тем он раскидал се-

мена своих антимужичьих идей на тысячевёрстных пространствах России. Разнесённые ветрами двух последних десятилетий, эти семена тут и там смело пускали ростки, укреплялись и махрово цвели, давая новые обильные семена, уже не боящиеся ни сибирских морозов, ни степных суховея.

Совсем недавно Россия давала третью часть мирового хлебного экспорта. Что-то будет теперь? Эпштейн, возглавляя сельское хозяйство великой державы, не ведал разницы между озимым и яровым севом. Конечно же, подобно младшим своим соратникам, Вольфу и Беленькому, Клименко и Каминскому, Бауману и Каценельбогену, он на все лады раздраконивал и клеймил троцкистов.

Он ничего не боялся. 5 декабря 1929 года его шеф Каганович – этот папач народолюб – за несколько минут накидал список из двадцати одного кандидата в состав изуверской комиссии. Политбюро утвердило. И уже через три дня Яковлев сварганил восемь подкомиссий, которые тотчас начали разрабатывать грандиозный план невиданного в истории преступления. В тот же день, то есть 8 декабря, Яковлев стал комиссаром российского земледелия. . .”

Понятно, коллективизация была затеяна Сталиным. Именно он тасовал “колоду” из членов Политбюро. При обсуждении плана Яковлева Генсек сделал поправки к проекту постановления “О темпах коллективизации” . . . в сторону ужесточения репрессий. Советую перечитать произведения Белова и ещё раз вдуматься в написанное им о русской деревне. Станет ясно: без крепкого крестьянства России не выжить.

А какие у Василия Ивановича щемяще-грустные рассказы о военном лихолетье! В них прослеживается и его собственная судьба. Ходили в изношенной до дыр одежде, не было вволю даже картошки, радовались льняному жмыху. В рассказе “Скакал казак” колхозница Костерюка посылает сынишку на болото, чтобы надёргал мха, из которого она испечёт лепёшек. Потом её посадили в тюрьму за кражу двух горстей зерна. Без слёз читать невозможно! В другом рассказе – “Мальчики” – подростки, подвергая себя опасности, воруя уголь с проходящих мимо станции составов, чтобы обогреть жилища. . . Ну, а Борька в рассказе “Под извоз” – уж не сам ли Белов? Вместе с разбитым мужиком-калекой Сенькой Груздевым и двумя бабами они везут на лошадях сдавать государству льняную тресту. В дороге мёрзнут, перебиваются лишь варёной картошкой, но преисполнены гордостью, что выполнили наказ бригадира. Так и жили годами деревенские люди в тягостях и нужде, не имея даже паспортов. Разве не запершит в горле от обиды?

Белов был строгим отцом. Единственная его дочь Аня родилась, когда ему стукнуло сорок. Хотел воспитать её патриотом, но она увлеклась тяжёлым роком. А как хотел, чтобы она полюбила деревню, землю, крестьянский труд. . . Написал целый цикл детских рассказов. Мечтал о внуках. Увы, дочь семью так и не создала.

В конце октября 2010 года я приехал в Вологду на Земельный форум. Вместе с группой московских писателей нагрянули к Василию Ивановичу. Дни стояли сухие, с утренними серебряными заморозками. Чудесная погода! Среди нас был Иван Сергеевич Уханов. Услышав его фамилию, Ольга Сергеевна встрепенулась:

– А ведь мы могли бы с вами породниться. Помните, отдыхали вместе в Коктебеле? Нашей Ане очень понравился ваш сын Юра. Рассказала мне об этом по секрету, ну а я выболтала тайну Василию Ивановичу. Ребята были совсем юными, только-только в душах зарождались какие-то чувства. Жаль, что расстались. . .

– Да, было такое, – подтвердил Белов, взглянув с любопытством на Уханова.

Тот смутился. Оказывается, он ничего не знал об этой истории. Только руками развёл:

– Значит, не судьба. . . Юра-то давно женат, у него растёт сынишка. . .

– А Аня окончила Суриковский институт, работает в музее Кремля, – вздохнула Ольга Сергеевна. – Теперь вот ездим друг к другу в гости. . .

В тот вечер мы засиделись у Беловых. Хозяйка выставила на стол пироги, мочёную бруснику, солёные грибки. Увидев бутылку водки, Василий Иванович махнул рукой:

– Бог с вами, грешите, грешите. . .

Попросил налить стопку и ему. Помянули родителей.

– Отец мой, Иван Фёдорович, был сержантом, – рассказывал Белов. – Сначала воевал на Ленинградском фронте. Там ранило в руку. Лежал в госпитале в Соколе. Мать ездила туда. Повидались. Потом его отправили под Смоленск, где шли особенно жестокие бои. Погиб в сорок третьем недалеко от райцентра Духовщина. Выяснили это школьники-следопыты. Спасибо ребятам! А похоронку мать куда-то затеряла. . .

– Вам-то самому что вспоминается из военных лет? – спросил я.

– Корова Берёзка, благодаря которой выжили. . . Был жуткий голод. Всё, что выращивали в колхозе, сдавали для армии. Сами питались, чем придётся. До сих пор горюю, что упустил огромную щуку в речку Сохту. . .

На безымянном пальце правой руки Василия Ивановича было обручальное золотое кольцо. Он зачем-то снял его и положил на блюде перед собой. Тут же предложил тост за Ольгу Сергеевну.

Я сел за пианино и исполнил в её честь песню собственного сочинения “А года, года бегут. . .” Мелодия и стихи понравились Белову. Он тяжело вздохнул:

– На гармошке-то я играю на слух, а вот по нотам не могу. В молодости мечтал поступить в музыкальное училище в Великом Устюге, но жизнь закрытила, и стало не до музыки. . .

Неожиданно вспомнил о своём брате Сергее – театральном режиссёре. С восхищением отзывался о спектаклях “Женитьба” и “Мёртвые души” по Гоголю, поставленных им на сцене Московского академического театра имени Маяковского:

– Иной раз думаю: какая культура выше – русская или украинская? Очень люблю украинские песни. Мелодичные, душевные, проникновенные. . . “Миргород” Гоголя – это чудо! Передайте от меня поклон Сергею Николаевичу. . .

Как известно, Белов написал ряд драматических пьес: “Князь Александр Невский”, “Над светлой водой”, “По 206-й. . .”, “Семейные праздники”, “Бессмертный Кощей”. Несколько раз заговаривал со мной о постановках их в столичных театрах, намекая на содействие брата. Не получилось. Та наша встреча оказалась последней.

. . . После похорон Василия Ивановича в родной Тимонихе я позвонил его дочери Ане. Говорили больше часа. Она сожалела, что их отношения с отцом в последние годы были весьма натянутыми. Прозвучало нечто вроде исповеди:

– Так бывает: когда люди любят друг друга, но живут как бы в параллельных мирах. Наши интересы лежали в разных плоскостях культуры. Я была далека от деревни, крестьянских забот. С детства увлеклась тяжёлым роком. Это не нравилось папе. Между нами постоянно возникали конфликты. Он хотел, чтобы я имела традиционную семью, а мне претили всякие догмы. Отец слишком поздно взялся за моё воспитание, что-то важное уже было упущено. Он не видел во мне личность, постоянно давил психологически. Вот что заделало! Поскольку у самого было тяжёлое детство, на всё смотрел с недоверием. А внутри-то шла кипучая энергия, которая не умещалась в строгих рамках. Думаете, легко ему было перестроиться, имея партбилет в кармане? Дорога к Богу получилась трудной. Мы оба оказались упёртыми. Он восстановил в Тимонихе Никольскую церковь, а я по-прежнему осталась приверженницей рока. Но всё же благодарна отцу за то, что привил любовь к искусству. С детства таскал с собой по музеям, выставкам, антикварным магазинам. Дружил с художниками, сам неплохо рисовал. Помог мне поступить в Суриковку. Довольно часто мы вели жаркие философские споры. Добрые зёрна дали какие-то всходы. Когда зимой у него случился инсульт, я заплакала горячими слезами. Что-то надломилось внутри. Виню себя за принесённые ему обиды и надеюсь, что напоследок он всё-таки простил меня. . .

Тимониха укрыта высокими снегами. Замело и дорогу к деревенскому погосту, где упокоился раб Божий Василий. Но это теперь уже не глушь, а ещё одно святое место на великих просторах России-матушки.